

Борис Вайнер

Цибуля, пимы, воркунок и другие

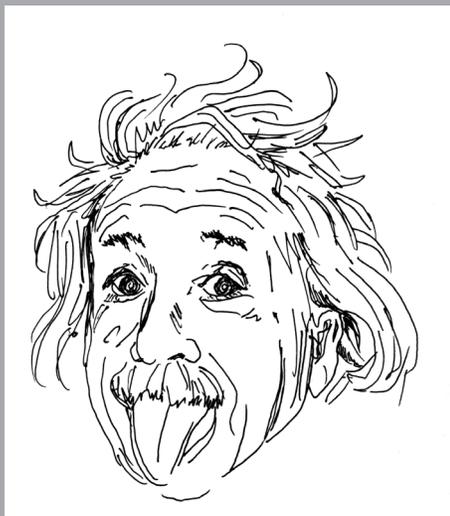
о диалектизмах

171

В ЛЮБОМ языке есть слова, понятные всем говорящим на нём людям, и есть слова местные – то есть те, которые используют только жители определённых территорий. Если вы приехали в городок на севере России и услышали незнакомое вам словечко – например, «голицы» – не удивляйтесь: так здесь именуют рукавицы; а если прозвучало определение «баской» – на местном наречии это означает «красивый». Во многих местах на российском юге свёклу называют «буряк», лук – «цибуля», и вообще не просто «разговаривают», а «гуторят».

Эти слова и есть диалектизмы, в данном случае лексические. «Диалект» в переводе с греческого означает «местный говор». Где «корзинка» – «кошёлка», «петух» – «кочет», «бубенчик» – «воркунок», «полотенце» – «рукотёрник», «валенки» – «пимы», «колокольчик» – «позвонók», «носовой платок» – «утёрка», а «очень» – «дьюже». На Псковщине букашку могут назвать лускалкой, во Владимирской области вместо «догадливый» употребить «достремливый», в Архангельской «проказничать» – это «галить», в Рязанской про упитанного кота сказать

ЯЗЫК МОЙ –
ДРУГ МОЙ

«гладея», а в Орловской – тёплое одеяло назвать «гревным».

Способ образования диалектных слов часто очень похож на тот, каким пользуются дети, изобретающие наименование для незнакомой вещи или явления исходя из уже известных им названий: вазелин превращается в «мазелин» (ведь его надо мазать), а вентилятор – в «вертилятор» (его лопасти вертятся). Примерно так же упомянутая «гладея» произошло от «гладкий», а «гревное» – от «греть».

Со временем лексические диалектизмы нередко становятся частью общей и общепонятной литературной речи. Например, когда-то были местными всем знакомые сегодня «вобла», «длина», «жуткий», «земляника», «зря», «клубника», «корявый», «листа», «мямить», «мохнатый», «нудный», «осторожный», «пасмурный», «паук», «рыбалка», «смекалка», «стрекоза», «тайга», «улыбаться», «ушанка», «филин», «чепуха» и другие слова.

Диалектизмы очень сходны с окказионализмами, но в отличие от этих последних в речевом обороте закрепляются чаще. И совсем не случайно и те и другие давно и охотно используют писатели (И. Тургенев, С. Аксаков, Н. Лесков, Е. Пермяк, П. Бажов, М. Пришвин и многие другие). «Здорово, парнище! – Ступай себе мимо! – Уж больно ты грозен, как я погляжу! Откуда дровишки? – Из лесу, вестимо; Отец, слышишь, рубит, а я отвожу». В этом отрывке из хрестоматийного Некрасовского «Однажды в студёную зимнюю пору...»

два диалектных словечка – «парнище» и «вестимо».

Всегда содержат диалектизмы (лексические, фонетические, синтаксические, интонационные) волшебные истории сказителей. Вот фрагмент сказки «Апельсин» жившего в Архангельске и хорошо знавшего северные говоры С. Писахова: «...На прежней ширине реки ехал я вечером на маленьком пароходишке. Река спокойнѐхонька, воду прогладила, с небом в гляделки играют – кто кого переглядит. И я на них загляделся. Еду, гляжу, а сам апельсин чишу и делаю это дело мимодумно. Вычистил апельсин и бросил в воду, в руках только корка осталась. При солнечной тиши да яркости я и не огорчился. На гладкой воде место заприметил. Потом, как сѐмгу ловить выеду, спутьѐ не спутьѐ, а приверну к апельсиновому месту поглядеть, что мой апельсин делат? Апельсин в рост пошёл: знат, что мне надо скоро, – растѐт-торопится, ветками вымахиват, листиками помахиват. Скоро и над водой размахался большим зелѐным деревом и в цвет пустился. И така ли эта была распрекрасность, как кругом – вода, одна вода, сверху – небо, посерѐдке – апельсиново дерево цветѐт!»

Что даёт литератору использование «местных словечек» и словесных оборотов? Они являются замечательным средством речевой характеристики героев, делают речь персонажей и самого автора более убедительной, выразительной, образной, эмоционально яркой.

